

УДК 340.125; 340.122
ББК 67.0
DOI 10.52433/01316761_2022_12_30
EDN: MVGGHY

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОЛЯКОВ
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ
ПРАВА В КОНТЕКСТЕ
КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И НЕЙРОНАУЧНЫХ ДАННЫХ

ANDREY VASILYEVICH POLYAKOV

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW IN THE CONTEXT OF COGNITIVE RESEARCH AND NEUROSCIENTIFIC DATA

Аннотация. В статье рассматривается перспектива развития российской философии права через обращение к данным когнитивных исследований и нейронаук. По мнению автора, обращение к этим наукам поможет подтвердить гипотезу существования универсальных правовых ценностей, попытка обосновать которые была предпринята в российской дореволюционной доктрине «возрожденного естественного права». На примерах учений виднейших представителей петербургской и московской школ философии права в работе выдвигается тезис о том, что основу этих учений составляют моральная и правовая интуиции, которые находят рациональное отражение в принципе взаимного признания как основополагающей коммуникативной идее. Данный принцип связывает свободу, равенство и достоинство человеческой личности с началом солидарности, являясь основой как для концепции прав и обязанностей человека, так и для нравственности, понимаемой как развитие интуиции альтруизма. В статье показана связь между эмпирическими и философскими представлениями о правовой интуиции и правовых ценностях и данными когнитивных исследований. Существование универсальных правовых ценностей признается в рамках этих исследований необходимым условием выживания человеческого общества.

Ключевые слова: петербургская школа философии права, московская школа философии права, когнитивные исследования, нейронауки, правовая интуиция, естественное право, принцип взаимного признания, свобода, равенство, достоинство человека

Abstract. The article considers the prospect of development of the Russian philosophy of law through the use of the data from cognitive research and neuroscience. According to the author, the appeal to these sciences will help to confirm the hypothesis of the existence of universal legal values, which was attempted to be substantiated in the Russian pre-revolutionary doctrine of «revived natural law». On the examples of teachings of the most prominent representatives of St. Petersburg and Moscow schools of philosophy of law, the thesis is argued that these teachings are based on moral and legal intuitions, which are rationally reflected in the principle of mutual recognition as the fundamental communicative idea. This principle links freedom, equality, and dignity of the human person with solidarity, serving as the basis for both the concept of human rights and duties, and morality understood as the development of intuition of altruism. The article shows the connection between the empirical and philosophical views on legal intuition and values and the data from cognitive research. The existence of universal legal values is recognized in the framework of these studies as a necessary condition for the survival of human society.

Keywords: St. Petersburg School of Philosophy of Law, Moscow School of Philosophy of Law, cognitive research, neurosciences, legal intuition, natural law, principle of mutual recognition, freedom, equality, human dignity

**АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ПОЛЯКОВ**

Санкт-Петербургский
государственный университет,
профессор кафедры теории и истории
государства и права,
доктор юридических наук, профессор
г. Санкт-Петербург, Россия

**ANDREY VASILYEVICH
POLYAKOV**

St. Petersburg State University,
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Doctor of Laws, Professor
St. Petersburg, Russia
polyakov2008@gmail.com

Ссылка для цитирования статьи:

Перспективы развития российской философии права в контексте когнитивных исследований и нейронаучных данных // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 30–42.

Введение

Статус философии права в российском гуманитарном сообществе понимается по-разному. Философы по образованию и по профессии склонны рассматривать философию права как метафизическую дисциплину, призванную исследовать и провозглашать духовную, разумно-нравственную ценность права и обосновывать его пропедевтическую миссию, связанную с религиозными верованиями или разнообразными духовными интуициями. Юристы-правоведы, занимающиеся философско-правовой проблематикой, зачастую философию права трактуют как формально-логическую или аналитическую систематику, призванную унифицировать действующее законодательство, обосновать тот или другой способ судебного толкования.

Надо признать, что оба этих подхода решают по-своему необходимые задачи. Ведь, с одной стороны, философия права не может обходиться без мировоззренческих вопросов, без ценностных ориентиров, без целеуказания для осмысленной и благополучной жизни людей. С другой стороны, юридической практике нужны не только отвлеченные рассуждения на темы духовности русской правовой мысли и благодатности православия для формирования нормального правосознания общества, но и еще нужны надежные прагматические средства, в идеале – общие универсальные ценности и отражающие их принципы, способные быть надежным руководством как для граждан безотносительно к их верованиям, так и для за-

конодателей и правоприменителей в их ежедневной деятельности.

Главная задача философии права – определить, чему она служит, какие основополагающие ценности выявила и защищает. В этом месте расходятся между собой устремленная ввысь идеалистическая философия естественного права и приземленный правовой позитивизм (во всем многообразии его проявлений). Ценностный релятивизм правового позитивизма и ценностный оптимизм юснатурализма кардинальным образом отличают их друг от друга. Ключевой вопрос здесь – существуют ли такие ценности, которые лежат в основании и права, и морали и которые могут непротиворечиво признаваться всеми как основополагающие для наших представлений о справедливости и моральности права? А если существуют¹, то как их можно выявить и обосновать?

¹ Аргументы противников положительного ответа на этот вопрос в настоящей статье не рассматриваются. См. позицию автора по данной проблематике: Поляков А.В. Права человека и ценности: их философский смысл и идеологическое значение в постсоветской юридической науке // Идеология и политика. 2021. № 2 (18). С. 152–193; Он же. Чистое учение о праве Ганса Кельзена, идея естественного права и справедливость: взгляд коммуниктивиста // Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сб. труд. междунар. науч. конф. (г. Саратов, 27–29 июня 2019 г.). Саратов, 2019. С. 205–224; Он же. Справедливость как следование принципам права // Жива ли справедливость в праве?: коллект. монография / под ред. Д.И. Луковской, Н.И. Малышевой, М.И. Юдиной. СПб., 2022. С. 40–82.

Проблема выявления и обоснования ценностных универсалий права является одной из древнейших и до сих пор не разрешенных. Есть основания полагать, что такая ситуация сложилась не случайно, а это означает, что счастливого для всех финала в виде нахождения удовлетворяющего всех ответа можно и не дожидаться. Однако это не снимает с повестки дня задачу по поиску решения, актуального хотя бы для современности, предоставляющей новые возможности для осмысления старых проблем. Эти новые возможности связаны с новыми научными данными, причем данными не только гуманитарных наук, но и наук естественных, в том числе когнитивных исследований и нейронаук.

В большинстве случаев правоведа проводят свои исследования почти в полной изоляции от данных наук естественных. Исходной предпосылкой такого методологического решения является убеждение в том, что сознание человека является или чистым листом, на котором делают записи семья, общество и государство, или своего рода ментальной скрижали, где свои письма в виде вечных заповедей уже оставил Господь Бог. Не предваряя вывода о плодотворности обозначенных предпосылок философских размышлений, отметим, что их достоверность и эффективность зависят от согласованности с данными наук, и не в последнюю очередь с данными наук когнитивных.

Когнитивные науки между тем отвергают саму возможность беспредпосылочного знания и его «чистую» духовность. Е.Н. Князева, долгие годы изучающая эти проблемы, пишет, в частности, о том, что всякий живой организм несет в себе опыт, накопленный в прошлом его филогенетическими предшественниками. Согласно эволюционной эпистемологии, разрабатывающей эти вопросы, существуют врожденные когнитивные структуры, врожденные механизмы обучения, предрасположенности вести себя определенным образом, «генетически запрограммированные диспозиции, предсуждения, ожидания... существует врожденное предпочтение одних культурогенов (единиц культуры) другим².

На протяжении многих тысячелетий человеческой истории биологическая, когнитивная и культурная эволюции теснейшим образом коррелировали между собой и взаимно под-

крепляли друг друга³. На этой основе сформировалась современная теория генно-культурной коэволюции.

Как отмечается в литературе, указанная теория сместила акцент в решении вопроса о механизмах порождения человеческой культуры с биологического, генетического уровня на относительно автономный когнитивный уровень. Она ориентирует науки на изучение когнитивной системы человека и эволюционных изменений на когнитивном уровне⁴. Подобный подход исходит из предпосылки, согласно которой всё знание человека имеет приспособительный характер и означает совершенствование нашей способности к выживанию. В связи с этим «печать адаптации (адаптивной ценности) лежит даже на высоко абстрактных результатах человеческого познания, ценность которых для выживания доказывается весьма опосредованно, через сложные цепочки связи теоретического и эмпирического»⁵. Данный приспособительный процесс предполагает специализацию живых организмов и отбор значимого для них содержания. Такого рода специализация через познание мира представляет собой демонстрацию способности «выживать в среде» и «уживаться с другими»⁶.

Когнитивные исследования и постклассическая философия права

Приведенные выше соображения высказываются исследователями, представляющими постклассическое направление в российской философии и теории права. В основе методологии постклассической юриспруденции находятся идея междисциплинарности и взгляд на право как на явление многоаспектное, интерсубъективное, связанное с когнитивными способностями человека⁷.

Предпосылки для данного подхода к познанию и пониманию права были заложены в петербургской школе философии права, расцвет которой пришелся на первые деся-

² Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология в ретроспективе и перспективе // Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред., сост. Е.Н. Князева. М., 2012. С. 23.

³ Эволюция. Язык. Познание / отв. ред. И.П. Меркулов. М., 2000. С. 7.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Князева Е.Н. Познание как смыслопорождающая деятельность: на перекрестке биосемиотики и когнитивной науки // ПРАЗНМА. 2014. № 2 (2). С. 28.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ На когнитивных способностях человека основывается само понятие права в коммуникативном понимании. См., например: Поляков А.В. Общая теория права в контексте коммуникативного подхода: учебник. М., 2016.

тилетию XX века⁸. Вместе с тем идеи реалистической петербургской школы необходимо рассматривать в диалогическом единстве с теоретическими и философскими построениями ученых московской школы во главе с П.И. Новгородцевым. Москвичи, наряду с петербургскими коллегами, также занимались в начале прошлого века возрождением на новых основаниях старой идеи естественного права, но в центре их внимания была идея возрождения естественного права на основе нравственного идеализма.

Интересно отметить, что и Л.И. Петражицкий, глава петербургской школы, и П.И. Новгородцев были сторонниками эволюционной теории Ч. Дарвина, рассматривая ее в тесной связи с философией и теорией права.

У П.И. Новгородцева с теорией Ч. Дарвина связано его центральное построение общественного идеала. Характеризуя открытия Ч. Дарвина как «великие»⁹, он в коммуникативном духе сформулировал вопрос, который и сегодня должен находиться в центре внимания философов права: «При каких условиях, вытекающих из законов биологической эволюции, могло бы сохраниться мирное совершенство согласованного общения?»¹⁰ Отвечая на него, ученый опирался на основные положения неокантианской школы, пытаясь соединить их с некоторыми идеями Гегеля (в том числе в интерпретации Б.Н. Чичерина), но не отходя от традиций либерализма.

Вследствие этого П.И. Новгородцев полагал невозможным существование полноценного человеческого общения без признания субъектами коммуникации всех людей. Входя в общение с себе подобными, замечал он, «личность не может отрицать их прав иначе, как отрицая свою собственную сущность и свои права. Отсюда рождается обязанность взаимного признания»¹¹. Следует обратить внимание, что философ в дореволюционный период (за несколько лет до событий 1917 г.) выводил эту обязанность не из велений какого-либо «нравственно-высшего» существа — общества или государства — а из «соб-

ственного закона личности» (ее нравственной автономии), из присущего ей «стремления к идеальной норме»¹². Именно это стремление к идеальной норме, которая есть норма взаимного признания, делает возможным, по его мнению, само общение (коммуникацию) и порождает саму возможность как права, так и нравственности¹³.

«Идеальный смысл общения, — пояснял П.И. Новгородцев, — не исчерпывается принципами формального права, обеспечивающего каждому свое: еще более того он выражается в требованиях высшего нравственного закона, объединяющего людей духом солидарности и любви и связующего их разрозненные силы в общее культурное стремление. Таким образом, в понятии личности одинаково берут свое начало как притязания ее на равенство и свободу, так и ее обязанность солидарности и единства с другими»¹⁴.

«Притязания» на равенство и свободу есть, несомненно, притязания правового характера, они соответствуют притязаниям на признание взаимной правосубъектности. В отличие от чисто правовых притязаний, взаимное признание порождает также и нравственную обязанность солидарности и единства с другими. Если мы сравним эти построения П.И. Новгородцева с аналогичными размышлениями В.С. Соловьева, то убедимся в их смысловой идентичности¹⁵. В основе этико-правовых построений Владимира Сергеевича также лежит принцип взаимного признания, который изначально опирался на категорический императив И. Канта¹⁶.

⁸ См.: Петербургская школа философии права: к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб., 2018; Polyakov A. A Communicative Approach to Leon Petrażycki's Theory of Law // Leon Petrażycki: Law, Emotions, Society / eds. Ed. Fittipaldi, A.J. Treviño. N.Y., 2023. P. 193–208.

⁹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 79.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ Там же. С. 111.

¹² Там же. В последние годы жизни позиция П.И. Новгородцева в этом отношении кардинально изменилась, что, впрочем, объясняется не столько рациональными основаниями, сколько эмоциональной реакцией на утверждение в России власти большевиков.

¹³ «...Право немислимо без элементов равенства и свободы, хотя и в самом узком и скромном их проявлении, как немислимо оно и без взаимного признания лиц, без начала солидарности» (см.: Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 115).

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Взять ли определение Влад. Соловьева: «общество как внутреннее свободное согласие всех» или какое-либо иное выражение тех же начал, смысл всех подобных формул заключается в том, чтобы в установлении идеальных целей общественного прогресса не утратить зависимости общественного принципа от безусловного начала личности и вместе с тем подчеркнуть самостоятельное значение общественных стремлений в полноте личного сознания» (см.: Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 112).

¹⁶ См. подробнее: Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 6. С. 47–48.

Не вызывает сомнений, что и свое понимание общественного идеала как идеала правового П.И. Новгородцев напрямую связывал с тем же принципом взаимного признания. Общественный идеал формулируется мыслителем как принцип всеобщего объединения на началах равенства и свободы¹⁷; при этом «обязанность взаимного признания не может быть ограничена никакими пределами и различиями»¹⁸. Данный принцип он именуется также принципом свободного универсализма, в котором сочетаются равенство и свобода лиц, а также всеобщность их объединения, поскольку все это вытекает из идеи свободной солидарности всех¹⁹.

П.И. Новгородцев видел в свободном универсализме высший принцип и права, и нравственности, предельный ценностный принцип – тот «естественный предел», к которому «невольно тяготеет мысль Нового времени». В основе всех наиболее распространенных и известных представлений об общественном идеале последних столетий мыслитель усматривал все тот же принцип взаимного признания и вытекающие из него следствия. В первую очередь он относил это к формулам демократического и социалистического общественного идеала. В их глубине правовед находил знакомые идеи равенства и свободы, а их необходимое развитие неизбежно приводит, по его мысли, к идее «всеобщей солидарности на началах взаимного признания»²⁰.

В соответствии со своей идеей естественного права с изменяющимся содержанием П.И. Новгородцев поддерживал универсальный (трансцендентальный) характер выведенной им формулы свободного универсализма, полагая ее лежащей в основании самой возможности существования общества, права и нравственности. Он был убежден в том, что начала, выводимые из взаимного признания, включая требования свободы, равенства и солидарности, лишь постепенно проникали в общественное сознание, получая постепен-

ное развитие и максимизацию от одной эпохи к другой. Но от этого, уверял мыслитель, насколько не страдало безусловное нравственное значение исходных принципов, выступавших своего рода путеводной звездой на путях общественного развития.

Не менее важно отметить, что, по убеждению П.И. Новгородцева, обозначенный выше процесс протекал не только в виде «высшего водительства разума», но и как «бессознательное стремление»²¹, которое вполне можно трактовать в духе современных нейронаучных исследований как результат эволюционного развития человеческого мозга и постепенного его превращения в «социальный мозг»²².

Дальнейший ход его мысли не оставляет сомнений в том, что П.И. Новгородцев стал одним из предтеч того направления, которое сегодня именуют натурализацией права и морали. Так, он пишет о том, что современная ему эволюционная теория подтверждает те данные, которые раскрывает моральная философия: «Если, исходя из основ нравственного сознания и анализируя понятие нравственного идеала, мы установили формулу бесконечного нравственного стремления, то к этому же результату нас приводит и эволюционизм, опирающийся на изучение жизненных процессов»²³.

Не меньшее значение для развития философии и теории права придавал эволюционной теории Ч. Дарвина и психологии, которую сегодня назвали бы эволюционной психологией, Л.И. Петражицкий. Его философия права (психологическая теория права и учение о политике права) вполне попадает под ту или иную разновидность натурализации права²⁴.

Как считает А. Койдер, «из трудов Петражицкого видно, что он разделял эволюционистское воззрение, согласно которому все поступки активизируются (мотивируются) потребностями организма, внутренние психические «силы» которого (влечения, побуждения) имеют адаптивную функцию по отношению к среде и происходящим в ней изменениям, обусловливают выживание и постепенное фило- и социоцентрическое развитие, содействуя возрастающей унификации и координации обще-

¹⁷ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 111.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 111–112.

²⁰ Там же. С. 112. Интересно, что проявление той же формулы всеобщего универсализма / взаимного признания можно найти, по П.И. Новгородцеву, и в двух основополагающих произведениях демократического и социалистического направления: в «Общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо и в «Коммунистическом манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса. Идеальную цель этих построений П.И. Новгородцев видел также в осуществлении свободы и равенства лиц (см.: Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 112).

²¹ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 114.

²² См., например: Черчленд П. Совесть. Происхождение нравственной интуиции / пер. с англ. М., 2021; Либерман М. Социальный вид. М., 2020.

²³ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 89.

²⁴ Например, Б. Брожек относит учение Петражицкого к радикальной натурализации. См.: Брожек Б. О натурализации права // Правоведение. 2017. № 3. С. 100–103.

ственных отношений»²⁵. Далее исследователь отмечает, что Л.И. Петражицкий отнюдь не был одинок, когда обращался к традиции эволюционизма в поисках ответа на волновавшие его вопросы. Дарвинистская эволюционная концепция в XX веке, по мнению А. Койдера, играла «едва ли не парадигмальную роль» при рассмотрении фундаментальных проблем человеческой мотивации²⁶. Трактую само право как проявление интуитивных, иррациональных эмоций, возникающих в сознании человека как отражение бесконечного процесса социальной эволюции и приспособления к окружающей среде, А. Койдер, в противоположность взглядам П.И. Новгородцева, не видел необходимости в рациональном оправдании права и рассматривал правовое развитие как бессознательный эволюционный процесс в сторону идеала социальной любви — альтруистического служения людям, достижение которого упраздняет саму необходимость не только в праве, но и в морали²⁷.

Учение Л.И. Петражицкого интересно в исследуемом контексте также тем, что он, развивая собственную теорию интуитивного права, объяснял ее через понятие интуитивно-правовых аксиом, отражающих основополагающие представления о справедливости права. Он считал, что существуют такие области права, где присутствуют «столь общие и крепкие интуитивно-правовые убеждения, что подлежащие правила общежития, обязанности и права ни в ком, кроме разве психически ненормальных людей, не могут возбуждать сомнений»²⁸. Эти положения ученый и полагал возможным «условно назвать» аксиомами интуитивного права.

Л.И. Петражицкий писал о том, что психологически невероятны споры о том, «могут ли по праву дети убивать родителей, родители детей, вообще, можно ли убивать ближних, наносить им раны, увечья, выкалывать глаза и т.п., истязать их, клеветать, оскорблять, поджигать и иначе истреблять их имущество, красть, насиловать и проч. и проч., или этого нельзя, мы должны по отношению к другим

воздерживаться от этого и имеем право на то, чтобы нас не убивали и т.д.»²⁹. Подобные споры, по мысли правоведа, не могут иметь серьезного значения в правовой жизни «цивилизованных народов», поскольку «в психике этих народов имеются соответствующие аксиомы интуитивного права»³⁰.

Из приведенных цитат следует, что интуитивное право, с точки зрения Л.И. Петражицкого, воспринимается переживающим его субъектом как налагающая обязанность воздержания от всех посягательств в отношении личной, имущественной и телесной неприкосновенности «ближних», предоставляя самим «ближним» право требования несовершения подобных действий и, эвентуально, право на защиту (индивидуальную или коллективную) в случае такого рода посягательств. Фактически это означает признание за «ближними» неотъемлемых прав, которые не устанавливаются государством, а соответствуют человеческой природе, сформировавшейся в ходе эволюционного развития общества. Очевидно также, что эти права распространяются на всех «ближних» в среде цивилизованных народов и являются границами их правовой свободы. Следовательно, свобода и равенство необходимо присутствуют и в таком построении, а признание за каждым «ближним» неотъемлемых прав означает также и взаимное признание их правосубъектности (взаимное правовое признание).

Не случайны у Л.И. Петражицкого и оговорки в отношении «ближних» и «цивилизованных народов». Он прекрасно понимал, что развитие человеческого общества «по пути прогресса» будет сопровождаться диалектической борьбой эгоистических и альтруистических начал и что лишь постепенно «цивилизованное право», основанное на взаимном признании, будет охватывать как все более широкие слои общества, так и новые народы и государства, постепенно вытесняя эгоистические эмоции и заменяя их альтруизмом³¹.

В интересующем нас контексте релевантные идеи можно найти и у других представителей петербургской школы, в частности у Г.Д. Гурвича, Н.С. Тимашева и даже у П.А. Сорокина, который в начале своего творческого пути предпочитал отрицать за аксиологической проблематикой научное значение. В то же время и у отцов-основателей московской шко-

²⁵ Койдер А. Жизнь и творчество Леона Петражицкого // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб., 2010. С. LVIII.

²⁶ Там же.

²⁷ См., например: Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб., 2010. С. 561–600.

²⁸ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 484.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 485.

³¹ Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. С. 587–593.

лы философии права, в частности у В.С. Соловьева, трудами которого вдохновлялся в том числе и П.И. Новгородцев, также можно найти схожие установки.

Как известно, стыд, жалость и благоговение рассматривались В.С. Соловьевым как основания нравственности. При этом жалость философ понимал не как снисходительное сострадание, сопровождаемое чувством дискомфорта, а скорее как эмпатию, как внутреннюю солидарность с другими, влекущую за собой альтруизм. Но это не помешало ему вывести из этого начала также и саму идею права, даже более глубокую по смыслу, чем он это делал в своих ранних работах, хотя и не безупречно терминологически. Истинная сущность жалости, по В.С. Соловьеву, «не есть простое отождествление себя и другого, а признание за другим собственного (ему принадлежащего) значения — права на существование и наибольшее благополучие. Эта идея жалости... взятая логически, а не психологически... есть правда и справедливость: правда, что и другие существа однородны и подобны мне, и справедливо, чтобы я относился к ним, как к себе»³².

Из приведенной цитаты определенно следует возможность двоякого восприятия справедливости: с психологической точки зрения идея справедливости лишь переживается субъектами как некая исходная интуиция «жалости», требующая от них признания за другими людьми их правосубъектности («собственного значения», «права на существование»). Здесь можно увидеть параллель с размышлениями Л.И. Петражицкого об аксиомах интуитивного права. Однако взятая с точки зрения не психологической, а логической, идея жалости трактуется В.С. Соловьевым как справедливость и осознанное требование относится к другим как к себе (вариация на тему взаимного правового признания). Понятно, что признание таких прав за каждым порождает саму идею формального равенства и свободы, поскольку идея прав человека и заключается в свободе этими правами пользоваться по своему усмотрению и в праве требовать от других не посягать на эту свободу.

У известного оппонента В.С. Соловьева — Б.Н. Чичерина (еще одного отца-основателя московской школы) — можно найти похожие исходные начала для понимания права и справедливости. Б.Н. Чичерин трактовал свободу

как «основное определение» человека разумного. «Именно в силу этого он признается лицом и ему присваиваются права»³³. Отсюда и индивидуализм, как считал философ, есть «краеугольный камень всякого истинно человеческого знания»³⁴. Но индивидуализм, по его мнению, не означает замкнутость на себе. Без взаимного признания личности каждого человека нет постоянства отношений, только при взаимном общении возможно полноценное развитие «человеческого естества»³⁵. Отметим, что данное утверждение уже подразумевает равенство в свободе на базовом, исходном уровне межчеловеческой коммуникации.

Интересно, что равенство в свободе фактически увязывается Б.Н. Чичериным с языковой компетентностью. Поэтому он пишет о том, что духовная связь проявляется прежде всего в единстве языка и в существовании единого народа. «Народность состоит не в личных свойствах, а в общей идее, в признании в других тождественного с собой духовного элемента, единого во многих, т.е. в принадлежности к общей духовной сущности, связывающей отдельные лица не только между собой, но и с отдаленными предками... От этого люди говорят: *наш язык, наша история, наша литература, наше отечество*»³⁶.

Человек, по мысли философа, достоин уважения потому, что носит в себе сознание Абсолютного. И хотя Б.Н. Чичерин трактует последнее как идею, присущую разуму, которая никаким опытом не дается³⁷, он тем не менее признает возможность ее проявления и в «непреложных законах вселенной», и в виде «первоначальной мировой силы», и даже в виде «первобытной материи»³⁸. Метафизика связывает идею Абсолютного с наличием у человека достоинства и необходимостью рассматривать его как цель, а не только как средство (идеи И. Канта в гегельянском истолковании), при этом религиозное сознание отражает это в библейском изречении, согласно которому человек создан по образу и подобию Божьему³⁹. Таким образом, признание самоценно-

³² Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. Ст. А.Ф. Лосева, А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца, Н.А. Кормина; АН СССР, Ин-т философии. Т. 1. М., 1990. С. 54.

³³ Чичерин Б.Н. Философия права // Чичерин Б.Н. Избранные труды / под ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб., 1997. С. 46.

³⁴ Там же. С. 53.

³⁵ Там же. С. 50.

³⁶ Там же. С. 55. Эта мысль впоследствии была развита и гиперболизирована «поздним» П.И. Новгородцевым.

³⁷ Там же. С. 42.

³⁸ Там же. С. 42–43.

³⁹ Там же. С. 47.

сти человеческой личности в интерпретации Б.Н. Чичерина — это не только результат метафизических построений, но и следствие веры, т.е. результат иррационального, интуитивного и эмоционального восприятия ценностей, на котором основывается развитие человечества и которое лежит в основе идеи права⁴⁰.

Размышления относительно возможности интуитивного восприятия других людей как «однородных и подобных мне» присутствуют у самых разных русских философов, включая и других представителей московской школы. Об интуитивизме взаимного признания с разных философских позиций писали в том числе А.С. Яценко и С.Л. Франк⁴¹.

К сожалению, объем настоящей статьи не позволяет подробно проанализировать идеи всех российских представителей постклассической философии права, чьи идеи в той или иной степени релевантны коммуникативному подходу и защищаемым им ценностям⁴². По этой же причине придется оставить в стороне и зарубежных авторов. Напомним лишь ключевую мысль немецкого философа Ю. Хабермаса на тему связанности коммуникации, взаимного признания и личностной самоидентификации. В своих философских построениях он исходил из того, что субъективность, «превращающая человеческую плоть в одушевленный сосуд духа, образуется через интересубъективные отношения с Другим. Индивидуальное Я возникает исключительно на социальном пути проявления вовне и может стабилизироваться только в сети исправно действующих отношений взаимного признания»⁴³.

⁴⁰ «...Человек по природе своей есть существо сверхчувственное, или метафизическое, и как таковое имеет цену само по себе и не должно быть обращено в простое орудие. Именно это сознание служит движущей пружиной всего развития человеческих обществ. Из него рождается идея права...» (см.: Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 47).

⁴¹ См. об этом: Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву. С. 72.

⁴² В первую очередь необходимо выделить работы И.Л. Честнова, Ю.Е. Пермякова, Н.В. Разуваева, И.Д. Невважая, Е.В. Тимошиной, В.И. Павлова, С.И. Максимова, А.В. Стомбу, Н.И. Сатохиной, Н.Ф. Ковкель, В.В. Архипова, И.И. Осветимской, В.В. Денисенко, В.П. Иванского — и это далеко не полный перечень. Очень важны для понимания рассматриваемой проблематики идеи либертарно-юридической школы, изложенные в трудах В.С. Нерсисянца, В.В. Лапаевой, Н.В. Варламовой и др. Особый интерес представляет институциональная теория права В.А. Четвернина.

⁴³ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 45–46.

Нейронауки и философия права

Современные исследования в области эволюционной теории, социобиологии, когнитивных исследований и нейронаук⁴⁴ в определенном смысле подтверждают как существование иррациональных основ права по Л.И. Петражицкому, так и возможность рационального подхода к правовым универсалиям, на чем настаивали его российские оппоненты. На сегодняшний день можно считать доказанным, как это отмечено выше, что процесс эволюционного развития человеческого общества был связан с формированием таких приспособительных и защитных механизмов, которые необходимы для адаптации к внешним условиям и для выживания в изменяющейся среде⁴⁵. К ним относят и моральную интуицию, и моральную грамматику⁴⁶, которая в своей основе содержит и грамматику правовую, по смыслу близкую к тому, что Л.И. Петражицкий называл аксиомами интуитивного права.

⁴⁴ Среди ученых, занимающихся этой проблематикой в интересующем нас ракурсе, выделяются И. Бауэр, Ф. де Вааль, М. Газзанига, А. Дамасио, Д. Деннет, Р. Докинз, Д.И. Дубровский, Т. Инзель, Д. Канеман, В. Ключарёв, К. Ленман, М. Либерман, К. Лоренц, Т. Метцингер, Дж. Микейл, С. Пинкер, К. Поппер, Р. Райт, В.С. Рамачандран, Д. Рицоллатти, Р. Сапольски, Д.Ф. Свааб, Э. Уилсон, Дж. Хайд, М. Хаузер, Н. Хомски, Д. Чалмер, П. Черчленд, Д. Эдмонсон, М. Якобони.

⁴⁵ В постклассической теории права в данном контексте размышляет И.Л. Честнов. Ученый, в частности, именно в обществе видел основу всех социальных явлений, которую он именует «трансцендентным». Как и все социальное, «оно вытекает из естественной (может быть, биологической) потребности человека в кооперации, коммуникации, взаимодействии, совместном существовании. Право вместе с другими социальными феноменами обеспечивает это совместное проживание, то есть обеспечивает самосохранение, устойчивость (в идеале — развитие) социума как совокупности связей между определенными, появившимися в результате социальной эволюции, статусами» (см.: Честнов И.Л. С. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002. С. 263). В другой, более поздней своей работе И.Л. Честнов подчеркивает, что только через правовой диалог как взаимодействие, предполагающее принятие точки зрения социально значимого Другого (носителя социального статуса), можно обеспечить самосохранение социума (см.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб., 2012. С. 633.)

⁴⁶ См., например: Хаузер М.Д. Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / пер. с англ. Т.М. Марютиной. М., 2008; Mikhail J. Elements of Moral Cognition. Cambridge University Press, 2011; *Idem*. Moral Grammar and Human Rights: Some Reflections on Cognitive Science and Enlightenment Rationalism / eds. R. Goodman, D. Jinks, A.K. Woods. Understanding Social Action, Promoting Human Rights. Oxford University Press, 2012. P. 160–202; *Idem*. Universal moral grammar: theory, evidence and the future // Trends in Cognitive Sciences. Vol. 11. № 4. P. 143–152.

Представляется, что и идеи Л.И. Петражицкого, и исследования современных нейрочеловеков в целом и целом лишь подтверждают важные мысли Ч. Дарвина, сформулированные им еще во второй половине XIX века⁴⁷. Так, в работе «Происхождение человека и половой отбор» Ч. Дарвин отстаивал мысль о том, что умственные и нравственные способности человека возникают, совершенствуются и развиваются под влиянием естественного отбора, в том числе передаваясь по наследству⁴⁸. Нравственность и право при данном подходе являются необходимым средством для выживания и развития человека, для развития по пути прогресса. Такие «общественные» нравственные чувства, как считал Ч. Дарвин, сродни инстинкту. Они с необходимостью возникали у древнего человека для того, чтобы он мог жить совместно с другими сородичами и выполнять общественные функции.

Ч. Дарвин также полагал, что, помимо наследственности, необходимые нравственные качества древние люди получали из собственного опыта. По мере того, как «мыслительные способности» и «предусмотрительность» членов племени совершенствовались, каждый из них, указывал Ч. Дарвин, мог легко убедиться, что, помогая другим, он обыкновенно получал помощь в свою очередь. «Из этого себялюбивого побуждения он мог приобрести привычку помогать своим ближним, а привычка делать добро, без сомнения, должна была усилить чувство симпатии, служащее первым толчком к добрым делам»⁴⁹. Дополнительным стимулом ее формирования и поддержания служило психологическое воздействие со стороны самого общества. «Очевидно, — констатировал ученый, — что члены одного племени одобряли поступки, которые, по их мнению, служили к общей пользе, и осуждали те, которые казались им вредными»⁵⁰. Из этого опыта формировалось не только эмоциональное отношение к поступкам друг друга, но и основополагающие принципы нравственности. Ч. Дарвин выводит этот «краеугольный

камень нравственности» в виде известной формулы «золотого правила»: необходимо «делать добро другим, поступать относительно других так, как мы желаем, чтобы поступали с нами»⁵¹.

Современные нейронауки для объяснения происхождения и взаимозависимости психических, эмоциональных и рациональных представлений о праве и нравственности опираются на специальные методы исследования мозга человека, включая нейромиджинговые⁵².

Нейронаучные исследования, проводимые во всем мире, не оставляют сомнений в том, что понимание человеческого поведения, а значит, и понимание права, зависят в том числе от наших знаний закономерностей функционирования человеческого мозга, сформировавшихся в ходе эволюционного развития.

Смысл всех подобных исследований с точки зрения интересующего нас вопроса о ценностных универсалиях можно кратко изложить, обратившись к одной из работ нейробиолога И. Бауэра. По его свидетельству, проведенные в последние годы нейробиологические исследования показали новое видение человека и его социальной природы. Человек предстает как существо, основные побуждения которого направлены на общение (коммуникацию) и развитие позитивных межличностных отношений⁵³. Эти данные, полученные в последние десятилетия, явились, по И. Бауэру, ошеломительными даже для специалистов. Выяснилось, что естественной целью биологически закрепленных систем мотивации человека оказались социальная общность и позитивные, налаженные отношения с другими индивидами во всех формах социального взаимодействия.

Таким образом, не только целью, но и сутью любой человеческой мотивации является установление взаимного признания, уважения, расположения и симпатии.

С нейробиологической точки зрения, утверждает И. Бауэр, мы являемся существами, созданными для социального взаимодействия

⁴⁷ Интерпретировать идеи Ч. Дарвина можно по-разному. Существует обширная литература, посвященная критике превратного толкования естественного отбора в духе «социального дарвинизма» (см., например: Бауэр И. Принцип человечности: почему мы по своей природе склонны к кооперации / пер. с нем. И. Тарасовой. СПб., 2009. С. 57–76).

⁴⁸ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных // Сочинения. Т. 5. М., 1953. С. 240–241.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 244.

⁵¹ Там же.

⁵² См., например: Ключарев В.А., Шмидт А., Шестакова А.Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С. 14–35.

⁵³ Бауэр И. Указ. соч. С. 9. См. для сравнения: Вааль Ф. де. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов / пер. с англ. Н. Лисовой. М., 2021. С. 76–79. «Мы общественные животные, — пишет далее де Вааль, — которые полагаются друг на друга, нуждаются друг в друге — поэтому, помогая другим и делаясь с другими, получаем удовольствие» (Там же. С. 95).

и резонанса. Все цели, которые мы преследуем в рамках нашей повседневной жизни, касающиеся образования, профессии, финансов, приобретений и т.д., имеют, по мнению И. Бауэра, с точки зрения нашего мозга глубокий, обычно не осознаваемый нами «смысл», потому что мы, ориентируясь на эти цели, в конечном счете стремимся к межличностным отношениям, т.е. хотим создать или сохранить их. Поэтому «стремление человека быть признанным как личность стоит, согласно распространенному мнению, даже выше инстинкта самосохранения»⁵⁴.

Заключение

Если мы посмотрим с этих позиций на изложенные выше представления об интуитивном праве Л.И. Петражицкого, на общественный правовой идеал П.И. Новгородцева, на размышления о праве В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, С.Л. Франка, А.С. Яценко, Н.Н. Алексеева, Г.Д. Гурвича, Н.С. Тимашева или И.А. Ильина, то увидим в них нечто общее, а именно объединяющую их разные в чем-то позиции ценность, явно претендующую на универсальный характер и даже на онтологический статус для права. Этой ценностью является ценность взаимного признания человека человеком. Такое признание (в отличие от признания в среде приматов или других социальных животных) имеет сложную структуру. Оно формируется первоначально (в ходе эволюционного развития человека и общества) на подсознательном (бессознательном, интуитивном), эмоциональном уровне, а позже — и на уровне сознательном, рациональном.

На подсознательном уровне признание проявляется в виде эмпатии. Эмпатия проявляется через доверие, дружбу и любовь. Высшая степень эмпатии — любовь (как социальная, любовь-агапэ, так и эротическая).

Признание на высшем уровне социальной эмпатии можно рассматривать как практическую реализацию евангельской заповеди, призывающей любить ближнего как самого себя (от Матфея 22:37-39).

Признание на рациональном уровне действует через осознание границ между возможным и дозволенным в отношениях между людьми и предполагает взаимность (соединение ценностей эгоизма и альтруизма). Это признание является естественным основанием для возникновения концепции прав и обязанностей каждого человека по отношению к себе и другим людям и для реального взаимодействия на этой основе. Здесь доминирует идея равенства в свободе⁵⁵ и ответственности за сохранение достоинства друг друга (солидарность).

Аналогичный ход мысли находит отражение и обоснование у многих авторов, связывающих свое творчество с идеей коммуникации. Например, упоминавшийся уже Ю. Хабермас дает ей такую интерпретацию: «Животные не принадлежат к универсуму членов сообщества, взаимно адресующих друг другу intersубъективно признанные заповеди и запреты. Мне бы хотелось показать, что «человеческое достоинство» в его строго моральном и правовом понимании тесно увязано с этой симметрией отношений. Оно не является собственностью, которой можно — как разумом или голубыми глазами — «обладать» по природе. Скорее оно обозначает ту «неприкосновенность», которая имеет смысл исключительно в межличностных отношениях взаимного признания, в эгалитарном обращении личностей друг с другом»⁵⁶.

Оба уровня признания (интуитивный и рациональный) присутствуют по отдельности как в построениях Л.И. Петражицкого и П.И. Новгородцева, так и в текстах других российских мыслителей. Само их наличие и известная эпистемологическая и практическая конкуренции не случайны. Так устроен человеческий мозг. Его дуализм соответствует двум системам принятия решений, имеющимся в мозгу человека. Наличие двух систем, сформировавшихся в ходе эволюционного развития человеческого мозга, показал и объяснил Д. Канеман. Согласно его концепции, Система № 1 — быстрая, ин-

⁵⁴ Там же. С. 25. Отдельный вопрос, который возникает в этой связи и также требует осмысления, — это объяснение возможных ситуаций непризнания, агрессии, войны всех против всех и т.д. Представляется, что ответ может быть дан с разных позиций. И. Бауэр, например, видит причины такого поведения прежде всего в дефиците самих отношений признания (см.: Бауэр И. Указ. соч. С. 45–56). Иначе смотрит на это К. Лоренц (см.: Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / пер. с нем. Г.Ф. Швейника. М., 1994). Э. Уилсон видит причины асоциальности в пережитках инстинкта племенного сознания (трайбализме, клановости) (см.: Уилсон Э. Смысл существования человека. М., 2019. С. 149–161). Каждый из них прав по-своему. Но это тема другой статьи, как и проблематика борьбы за признание, которая находится в центре работ Г.Ф.В. Гегеля, А. Кожева, А. Хоннета и др.

⁵⁵ Интересно, что свободу, включающую отсутствие ограничений в передвижении и получении информации, нейробиологи относят к врожденным программам человеческого мозга (см., например: Дубынин В. Мозг и его потребности. От питания до признания. М., 2022. С. 48–49).

⁵⁶ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 45.

туитивная, автоматическая, бессознательная; Система № 2 – медленная, целенаправленная, рациональная. Система № 2 пытается контролировать Систему № 1 и управлять ею, но ее возможности в этом ограничены⁵⁷.

Современные исследователи в области нейронаук приходят к выводу о том, что способность оценивать справедливость социального взаимодействия чрезвычайно важна для обеспечения долговременной кооперации внутри социальной группы. Немедленное непровольное подкрепление справедливых предложений и наказание за несправедливое поведение рассматриваются как важный эволюционный механизм существования и сплочения социальных групп. Поэтому «автоматическая непровольная реакция Системы № 1 зачастую подавляет Систему № 2. «Диффузный» характер принятия решений... допускает регулирование весового вклада эмоциональной и рациональной (когнитивной) компоненты в зависимости от контекста... что придает системе принятия решений необходимую пластичность»⁵⁸.

Подобным образом системы дополняют друг друга, и этим объясняется своего рода дуализм взаимного признания в качестве высшей правовой и моральной ценности: ведь оно может существовать как в виде исходной правовой интуиции (вариант Л.И. Петражицкого), так и в виде осознанного морально-правового принципа, требующего от всех признания равной свободы, достоинства, ответственности и солидарности в отношениях между людьми (вариант П.И. Новгородцева)⁵⁹.

Возможность и необходимость совмещения обоих вариантов как элементов правовой коммуникации обосновывается в коммуника-

тивной теории права⁶⁰. Но теория и практика не всегда коррелируют. Человек – ограниченно рациональное существо, и поэтому вполне возможны ситуации, когда теоретические представления о том, каким должно быть право, идут вразрез с доминирующими интуитивными ценностями, которые, как уже было отмечено, по разным причинам могут отличаться друг от друга значительной вариабельностью. Этим объясняется упомянутая в начале статьи принципиальная неразрешимость вопроса обоснования теории универсальных правовых ценностей, которая принималась бы всеми и навсегда в качестве практического руководства к действию.

Человек воспринимает теорию права не только с точки зрения ее непротиворечивости, доказательной силы и применимости на практике, но и с точки зрения того, соответствует она или нет его исходным, базовым ценностным интуициям.

Взаимное правовое признание представляет собой баланс ценности личности с ценностью сверхличной – с ценностью общества и ее возможными модификациями (нация, государство, традиция и др.). Дисбаланс в сторону любого из этих начал и формирует ценностную установку одностороннего признания (абсолютизации) или ценности личности (антисоциальный эгоизм), или сверхличной ценности (например, антигуманный трайболизм, замешанный на расовом альтруизме). Подобный перекосяк в ценностной иерархии может быть обусловлен как генетически (предрасположенность к подобной деформации может передаваться по наследству отдельным индивидуумам), так и специфическими социокультурными обстоятельствами (например, тотальной пропагандой, разрухой и гражданской войной и носить более массовый характер). В обоих случаях связь между ценностной ориентацией и генно-социокультурным влиянием носит не строго детерминистский характер, а лишь вероятностный.

Следовательно, рациональное осмысление и свобода воли человека по-прежнему остаются важнейшими составляющими принимаемых поведенческих установок⁶¹. В качестве примера можно привести доминирующую в 30-е годы прошлого века в нацистской

⁵⁷ Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. N.Y., 2011. P. 19–105, 377–418.

⁵⁸ Ключарев В.А., Шмидт А., Шестакова А.Н. Указ. соч. С. 22. О связи теории права, когнитивных исследований и нейронаук см., например: Мальман М. Разум и права: нейрология, философия и основы правовой справедливости // *Правоведение*. 2016. № 5. С. 6–67.

⁵⁹ В данном контексте вполне уместно вспомнить и предостережение К.Г. Юнга: никогда не следует забывать о том, что «мир существует только благодаря равновесию противоположных сил: рациональное уравновешивается иррациональным, а то, что планируется и ставится целью, – тем, что существует» (см.: Юнг К.Г. *Архетипы и коллективное бессознательное* / пер. с нем. А.А. Чечиной. М., 2019. С. 116–117; см. об этом также: Хаузер М.Д. Указ. соч.; Хайдт Д. *Стакан всегда наполовину полон! 10 великих идей о том, как стать счастливым* / пер. с англ. А. Бродоцкая. М., 2006.

⁶⁰ См. об этом: Поляков А.В. *Справедливость как следование принципам права*. С. 40–82; Он же. *Коммуникативное правовопонимание: избранные труды*. СПб., 2014.

⁶¹ См., например: Марков А.В. *Обезьяны, нейроны и душа*. М., 2011. С. 92–106, 125–136.

Германии идеологию непризнания равенства всех людей в правах, обязанностях и достоинстве. Лишь малочисленные противники режима могли сознательно противостоять требованию быть и в этих вопросах вместе со своим народом и фюрером. Большинство немцев поддержало в той или иной форме (полуискренне или искренне) новый порядок. Однако и эта поддержка, связанная с ситуативной переоценкой ценностей под гипнозом авторитарной власти, возбуждавшей племенные инстинкты, оказалась лишь временной, и после падения режима его бывшим сторонникам оставалось только удивляться тому, как быстро их смогли убедить и ценностно переориентировать идеологи нацизма⁶².

Понимание того, что признание ценности права и, соответственно, прав и обязанностей человека как всеобщего достояния, как приоритетных ценностей, имеющих в том числе и нравственный смысл, — совершенно необходимо. Оно является неотъемлемым условием выживания человеческого общества, но это понимание порою дается слишком большой ценой.

Библиографический список

1. Бауэр И. Принцип человечности: почему мы по своей природе склонны к кооперации / пер. с нем. И. Тарасовой. СПб.: Изд-во Вернера Регнера, 2009. 152 с.
2. Брожек Б. О натурализации права // Правоведение. 2017. № 3. С. 90–114.
3. Вааль Ф. де. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов / пер. с англ. Н. Лисовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 442 с.
4. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных // Сочинения. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 1040 с.
5. Дубынин В. Мозг и его потребности. От питания до признания. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 576 с.
6. Ключарев В.А., Шмидс А., Шестакова А.Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С. 14–35.
7. Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология в ретроспективе и перспективе // Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред., сост.

Е.Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 704 с.

8. Князева Е.Н. Познание как смыслопорождающая деятельность: на перекрестке биосемиотики и когнитивной науки // ПРАСНМА. 2014. № 2 (2). С. 26–44.
9. Койдер А. Жизнь и творчество Леона Петражицкого // Петражицкий Л.И. Теория и политика права: избранные труды / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. 1032 с.
10. Либерман М. Социальный вид. М.: МИФ, 2020. 432 с.
11. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / пер. с нем. Г.Ф. Швейника. М.: Прогресс, Универс, 1994. 272 с.
12. Мальман М. Разум и права: нейрология, философия и основы правовой справедливости // Правоведение. 2016. № 5. С. 6–67.
13. Марков А.В. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Corpus-АСТ, 2011. 307 с.
14. Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль / пер. с англ. Г.Г. Ястребова. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 316 с.
15. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
16. Петербургская школа философии права: к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 650 с.
17. Петражицкий Л.И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Петербургская школа философии права: к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 650 с.
18. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
19. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 575 с.
20. Поляков А.В. Общая теория права в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. 832 с.
21. Поляков А.В. Чистое учение о праве Ганса Кельзена, идея естественного права и справедливость: взгляд коммуникативиста // Мир человека: нормативное измерение — 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сб. труд. междунар. науч. конф. (г. Саратов, 27–29 июня 2019 г.). Саратов: Изд-во СГЮА, 2019. 452 с.
22. Поляков А.В. Права человека и ценности: их философский смысл и идеологическое значение

⁶² Проблема иррационального подчинения авторитету рассмотрена в известном исследовании С. Милгрэма. См.: Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль / пер. с англ. Г.Г. Ястребова. М., 2022.

в постсоветской юридической науке // Идеология и политика. 2021. № 2 (18). С. 152–193.

23. Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 6. С. 39–101.

24. Поляков А.В. Справедливость как следование принципам права // Жива ли справедливость в праве?: коллект. монография / под ред. Д.И. Луковской, Н.И. Малышевой, М.И. Юдиной. СПб.: Алетейя, 2022. 304 с.

25. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. статьи А.Ф. Лосева, А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца, Н.А. Кормина; АН СССР, Ин-т философии. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 892 с.

26. Уилсон Э. Смысл существования человека / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 214 с.

27. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.

28. Хайдт Д. Стакан всегда наполовину полон! 10 великих идей о том, как стать счастливым / пер. с англ. А. Бродоцкая. М.: АСТ, 2006. 400 с.

29. Хаузер М.Д. Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / пер. с англ. Т.М. Марютиной. М.: Дрофа, 2008. 639 с.

30. Черчленд П. Совесть. Происхождение нравственной интуиции / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 278 с.

31. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.

32. Честнов И.Л. С. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб.: СПбИВЭСЭП, 2002. 269 с.

33. Чичерин Б.Н. Философия права // Чичерин Б.Н. Избранные труды / под ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1997. 555 с.

34. Эволюция. Язык. Познание / отв. ред. И.П. Меркулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

35. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А.А. Чечиной. М.: АСТ, 2019. 496 с.

36. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.

37. Mikhail J. Elements of Moral Cognition. Cambridge University Press, 2011. 406 p.

38. Mikhail J. Moral Grammar and Human Rights: Some Reflections on Cognitive Science and Enlightenment Rationalism / eds. R. Goodman, D. Jinks, A.K. Woods. Understanding Social Action, Promoting Human Rights. Oxford University Press, 2012. P. 160–202.

39. Mikhail J. Universal moral grammar: theory, evidence and the future // Trends in Cognitive Sciences. Vol. 11. № 4. P. 143–152.

40. Polyakov A. A Communicative Approach to Leon Petrażycki's Theory of Law // Leon Petrażycki: Law, Emotions, Society / eds. Ed. Fittipaldi, A.J. Treviño. N.Y.: Routledge, 2023. 302 p.